

*«Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши...»
А.С. Пушкин «Руслан и Людмила»*

Парадный гул в покоях Ярослава,
Как ветерок, пронёсся первый хмель
И забурила Киева держава,
Со всех окрестных съехавшись земель.
Застолье души всем разбередило,
Всё громче речи, вина горячей,
Дрожат, свисая, как паникадила,
Со сводов люстры в тысячу свечей.
Лучи в стекле играют италийском,
Мозаикой напоминает сад,
Дворец, что создан в стиле византийском,
Княгиней Ольгой много лет назад.
Внимают гости вещему Бояну,
Слёз, не роняя в бороды едва,
Но смолк певец и в гридню вводят Анну —
Верховную причину торжества.
Багряны девы праздничные ризы,
Коруны¹ бисер светится на лбу.
Какие жизнь готовит ей сюрпризы?

Как сложит Бог невольницы судьбу?
Ведь, подчинясь державному закону,
Ещё чуть-чуть и взрослая, всерьёз,
Она коруну сменит на корону,
Скрыв пеленою золото волос.
Король-вдовец, что ждет её в Париже,
Где полон двор пустых, бесцветных дам,
Слегка невесте удивится рыжей
И вдумчивой, совсем не по летам.

Разглядывая крест Илариона,
Стремясь прервать молчанье, наконец,
Готье, что здесь, как белая ворона,
Представиться спешит: — Святой отец!
Я — Савейер и Ваш слуга отныне,
Посол и гость с французской стороны,
Вы тоже говорите на латыни?
Здесь, в королевстве, все просвещены!
В прищуренных глазах Илариона,
Вдруг, интереса вспыхнули огни:
— Не друг ли вы аббата Одилона?
Ведь мы гостили у него в Кюни!²

¹ *Коруна* (от корона) – праздничный головной убор. Коруны украшали жемчугом, драгоценными камнями, подвесками.

² *Аббат Одилон* – настоятель Кюнийского аббатства во Франции, определявшего идеологию католической церкви в конце X-нач. XI вв.

— Вы посетили Францию?

— Двукратно!

Попутно, при паломничестве в Рим...

— Какой сюрприз! Почти невероятно!

Аббат Ключи у нас боготворим!

Однако знать вам следует заранее —

Здесь граф Роже — епископ и аббат,

Я о мощах и ужаса на грани,

Но, верьте мне, король не виноват!

Иларион чужое духовенство

Не слишком понимал:

— Позвольте мне

У вашего спросить преосвященства,

Что до мощей французской стороне?

— Святой отец, не упустив момента,

Как приказал Роже не в первый раз,

Теперь главу священную Климента,

Я должен чудом выпросить у вас.

Но ваш король и всё его потомство

Ко мне добры — я здесь почти в раю

И не пойду на это вероломство

И дело вам теперь передаю.

Но, добрый друг, скажу вам по секрету:

Сей фаворит, намюрский граф Роже,

Мечтает брать с паломников монету,

Считая мощи нашими уже.

Ведь счёт ведя всем привезённым чашам

И всем шелкам, что Генрих подарил,

В пути считаясь казначеем нашим,

Он всех постами чуть не уморил.

Я понимаю, нужно до зарезу

Нам экономить средства из казны

И, всё ж, непросто выдержать аскезу,

Когда послы и так измождены.

Легко ль весь день держаться за поводья?

Но граф Роже — терпенья образец,

Он мне вменяет в грех чревоугодьё,

А я люблю поестъ, святой отец!

Готьё умолк и страшно волновался,

Боясь аббата, судя по всему,

Иларион едва не рассмеялся,

Хотя степенно возражал ему:

— Епископ ваш, как вы мне говорите,

Чревоугодьё вам вменяет в грех?

Но объеденье, как и винопитье,

Чинят здоровью множество помех!

Однако время выдержав прелюдий,

Два молодца, что были начеку,

Перепелов несли сюда на блюде

И диких уток в яблочном соку.

Готьё расплылся, чувствуя заране

И вкус еды и терпкий вкус вина:

— Святой отец, король на поле брани,

Глава в Шалон епископу нужна!

Здесь очевидна хитрость фарисейства,

Хотя Роже, который год подряд,

Искореняет ересь манихейства,

Он с каждым днём все более богат!

Монах подумал:

— Дело не в богатстве,

А в разнице понятий о добре,

Пусть ваш аббат печется об аббатстве,

Как настоятель о монастыре,

Он вас обрёк на голод и мученья!

У князя ел и пленный печенег...

Мы благодарны за предупрежденье,

Я вижу, Вы — честнейший человек!

Готьё сиял: — Но вся моя тирада

Произносилась тут, святой отец,

Да видит Бог, не для ушей аббата,

Когда узнал бы он, то мне конец.

Пусть наше дело сложится ко благу,

Укоры графа я перетерплю,

А от принцессы не ступлю и шагу

И сам её представлю королю!

***

Тревожный день, дворец проснулся рано.

Опущен мост у Золотых ворот,

Сегодня Киев покидает Анна,

Проститься с ней стекается народ.

Лютуют псы и грузятся повозки.

Покорный мул привязан у крыльца.

У новых сходней, прогибая доски,

Смерд под уздцы выводит жеребца.

Надвратной церкви купол благолепен,

Крестам на солнце хочется блеснуть,

Но время петь напутственный молебен,

А дальше гридня, трапеза и в путь.

Княжна, витая птицей одинокой

Над всем, что в отчем дорогом краю,

Бежит взглянуть по лестнице высокой

В последний раз на горницу свою.

Здесь, где ещё измято покрывало,

Она, мечтая вечером одна,

Порой стихи и музыку писала,
Закат и Лавру видя из окна.
Здесь, невзирая на часы ночные,
Как викинг земли новые почти,
Осваивала языки чужие,
Желая знать не менее пяти.
И не отсюда ль в хмурую погоду,
Надев простой охотничий наряд,
Средь егерей скакала на охоту,
Держась в седле устойчивей, чем брат.
Княжна, опеки избегая строгой,
Дождей, метелей не боясь и гроз,
Была отважной, крепкой, длинноногой,
Легко сносившей ветер и мороз.
Как отблеск всей Норвегии суровой,
В ней, озаряя нежные черты,
Царил покой гармонии здоровой,
Что становился смыслом красоты.
И вот ее, для трона королевы,
Из дома гонят и отец и мать.
Уместно вспомнить о страданиях Евы,
Но Анну Ева может утешать.

***

Затих народ, готов дорожный поезд,
Князь и княгиня держат образа,
Сойдя с крыльца, им кланяется в пояс
Княжна, смиренно опустив глаза.
Челом коснувшись греческой иконы
И прошептал: - Помилуй и спаси!
Она, прощаясь, отдаёт поклоны
Земле и людям Киевской Руси.
Родная кровля, рокот голубиный,
Недаром Бог нам Родину даёт,
Кто уезжал на веки на чужбину,
Тот, может быть, княжну мою поймет.
Не зря с собою, сызмальства любимых,
Чтоб время шло в дороге поскорей,
Она подруг везёт неутомимых
Затейниц и боярских дочерей.
С ней под началом старого норманна
И храбреца со шрамом на лице,
В Париж поедет викингов охрана,
Что будет жить при Анне, во дворце.
К тому ж, для важных споров и дебатов,
Из тех, что ныне у него в чести,
Князь посылает умных дипломатов
В старинный Майнц, до Франции почти.

Страшатся татей знатные девицы,
В дорогу быстро, снаряжая рать,
До отдалённой киевской границы
Их Всеволод решил сопровождать.
А Савейер опять попал в соседство
К аббату, что уже наверняка,
Счёл все меха и денежные средства,
Нужны ли речи? Свита велика!
Но вспыхнул крест над куполом Софии,
Днепра мелькнул голубоватый край,
Гряды пещер, Ворота Золотые,
Цветущий град, Святая Русь, прощай!
Князь и княгиня, временем согбенны,
Друзья, что много пережили бед,
Они взошли на крепостные стены
И долго смотрят поезду вослед.
О манихействе или римских буллах,
Там, где ползёт повозок череда,
Под шляпами епископы на мулах
Между собою спорят, как всегда.

***

Князь уставал от вражеских набегов,
Проделав путь от Ладоги домой,
Он Киев избавлял от печенегов,
Поля зловещей застилавших тьмой.
И, всё ж, творя прощальную молитву,
Князь покидал и Лавру и Подол.
Когда Мстиславу проиграл он битву
Под Лиственном за киевский престол,
Беда в масштабе виделась вселенском,
Но брат сказал: — Ты старший, Киев твой!
И Ладога и Полоцк со Смоленском
И Новгород с торговлей мировой!
Он, верно, вспомнил то, как мать Рогнеда
Делить учила братьев пополам,
Одёжки, сласти, радости и беды
И своего не прятать по углам.
Вражды не скудно весила верига
И порешил Мстислав: – Забудем брань!
Себе возьму я Любеч и Чернигов,
Переяславль и всю Тьмутаракань!
Должно быть, было Господу угодно,
Чтоб князь остался в киевском дворце,
А мирный договор, бесповоротно,
Был братьями подписан в Городце.

Так созидалась русская держава!
Для вожденной зависти врага,
Ей отошли наследством от Мстислава
Восточные Боспора³ берега.
И от церквей, чьи главы золотые
Глядят на Волхов, озаряя ширь,
Где прежде новой, северной Софии
Шагнул на Ильмень Юрьев монастырь.
Где Бог судил на свет явиться Анне
И видеть всё, чем Новгород богат,

До киммерийских⁴ сёл Тьмутаракани,
Где грязь кипит и зреет виноград,
Сливалось всё и становилось целым,
Перед столпами княжеских палат
Сошлись в одно великие пределы
От Гермонассы⁵ пыльной до Карпат.
Найдя среди глин античности крупницы
И перст в целебной омочив грязи,
Князь новые очерчивал границы
На карте древней Киевской Руси.

---

³ *Боспор* – ныне Керченский пролив, Боспорское царство, нынешняя территория Тамани.

⁴ *Киммерийцы* - самый древний из народов, населявших Крым.

⁵ *Гермонасса* - название древнего античного города, на месте которого сегодня находится нынешняя станица Тамань Темрюкского района.